

Русская гвардия в Февральской революции

Е.И. Чапкевич

Начавшаяся стихийно в Петрограде в феврале 1917 г. революция одержала победу во многом благодаря поддержке, оказанной забастовавшим рабочим солдатами запасных батальонов полков гвардии. Они стали основной вооруженной силой, нанесший смертельный удар царскому самодержавию.

Запасные батальоны всех гвардейских полков были созданы в августе 1914 г. Они предназначались для подготовки пополнения полков, действовавших на фронте. В Петрограде находились 12 запасных батальонов гвардейских пехотных полков, а также запасные батальоны Салерного полка, Гвардейского флотского экипажа и 3-го гвардейского стрелкового полка.

Запасные батальоны остальных стрелковых полков были дислоцированы в Царском Селе. Все эти части были объединены в запасную бригаду под командованием генерала Чебыкина и подчинены Петроградскому военному округу и штабу войск гвардии. В общей сложности в начале 1917 г. в запасных батальонах гвардейских полков в Петрограде насчитывалось около 100 тыс. человек.

Подготовка пополнения для полков гвардейской кавалерии осуществлялась в запасном полку, находившемся в Новгородской губернии. Ремонтный конский состав гвардейской кавалерии располагался в Луге, где специально подобранные команды обучали лошадей выезде и действиям в кавалерийском строю.

В каждом из запасных пехотных батальонов гвардии насчитывалось от 4-х до 6-ти тыс. нижних чинов переменного состава. В некоторых из них было свыше 8 тысяч нижних чинов. После подготовки или переподготовки они в составе маршевых рот отправлялись на фронт.

Переменный состав в большинстве запасных батальонов состоял из четырех рот, от одной до трех учебных команд, готовивших унтер-офицеров, и пулеметной команды. В запасных батальонах проходили обучение молодые новобранцы, запасные старших возрастов и ратники ополчения. Одна из рот состояла из побывавших в боях гвардейских солдат, которые оказались в запасных батальонах после ранения или излечения болезни.

Подготовка в запасных батальонах в зависимости от категории обучаемых продолжалась от 6 недель до 4 месяцев. Солдаты здесь занимались строевой подготовкой, штыковым боем, стрельбой, тактикой пехотного боя в

Чапкевич Евгений Иосифович — доктор исторических наук, профессор Орловского государственного университета.

составе отделения, взвода и роты. Однако оружия и патронов для обучения не хватало. В запасных батальонах на 5 тыс. солдат приходилось не более 2 тыс. винтовок. На обучение нижних чинов стрельбе отпускалось по 12 патронов на солдата¹. При такой подготовке боевые навыки солдат-новобранцев были низкими и не шли ни в какое сравнение с уровнем солдат-гвардейцев довоенного времени.

Наиболее боеспособными в запасных батальонах являлись учебные команды, где было немало солдат, уже побывавших на фронте. Учебные команды считались самыми боеспособными.

Подготовку нижних чинов в запасных батальонах осуществляли офицеры, выделенные из полков, а также те из них, кто по ранению признавался не годным к боевой службе на фронте или получал временное освобождение от нее для долечивания по ранению. В качестве младших офицеров использовались прапорщики — выпускники военно-учебных заведений ускоренного курса обучения. По своему уровню подготовки они сильно отличались от кадровых гвардейцев и нуждались в дополнительном обучении и приобретении командных навыков. Для них в запасных батальонах были созданы офицерские классы с трехмесячным курсом подготовки. Только после сдачи экзамена специальной комиссии кандидаты на зачисление в гвардейский полк включались в его офицерский состав. За годы войны в результате потерь офицерский корпус гвардии был заметно разбавлен лицами недворянского происхождения, что вызывало раздражение коренных гвардейцев, сторонников кастовости и полковых традиций.

Еще в большей мере изменился за время войны состав нижних чинов гвардейских полков. Он был не сравним с довоенным контингентом. В запасные батальоны поступали новобранцы — в основном крестьяне, недовольные реквизициями, ростом налогов и цен. Несмотря на проверку их политической благонадежности, осуществляемую уездными воинскими присутствиями и органами охраны, в гвардию стали попадать люди, подвергшиеся революционному воздействию. Особенно это касалось рабочих, которых до войны старались не призывать в это элитное войско. Как отмечал в своих воспоминаниях пачальник учебной команды запасного батальона Московского полка штабс-капитан Дуброво — 1-й, «с началом войны к нам стало поступать много преступного и испорченного элемента»². Аналогичная картина наблюдалась и в других запасных батальонах пехотных гвардейских полков. По мере продолжения войны состав запасных нижних чинов еще более ухудшался. Все это вело к разрушению старых гвардейских традиций, изменению взаимоотношений между солдатами и офицерами, к изживанию довоенного духа патриархальности и патернализма.

Сосредоточение в Петрограде огромного количества запасных солдат, среди которых было не мало лиц, ранее в гвардии не служивших, стало внушать опасения некоторым генералам и офицерам, которые уже в 1915 г. боялись возможного революционного взрыва с их участием. Так, полковник Б.В. Геруа, побывав в это время в Петрограде, подал начальству рапорт с предложением вывести запасные батальоны из столицы³. Однако его предложение было оставлено без рассмотрения. Амбициозный генерал Чебыкин вынашивал планы преобразовать запасную гвардейскую бригаду в дивизию и даже получил поддержку военного министра А.А. Поливанова. Вплоть до самой революции запасные батальоны оставались в Петрограде, несмотря на опасения дальновидных офицеров и генералов.

Накануне революции переменный состав запасных батальонов состоял из новобранцев, призванных из Петрограда и соседних северо-западных губерний. Среди них было много рабочих, большинство которых было настроено враждебно к продолжению войны. Горячего желания отправиться поскорее на фронт воевать за чуждые им интересы они не испытывали. Еще в меньшей мере этого желали старослужащие, которые уже побывали в боях и многие из которых уже были ранены, нередко по несколько раз.

На настроения в запасных батальонах гвардии, как и во всей армии в

целом, влияла политическая обстановка в стране и положение на фронте. Особенно раздражало солдат отсутствие успехов и неспособность командования добиться перелома в войне, неумение правительства приостановить рост цен. Характеризуя психологию вооруженных масс накануне Февральской революции, генерал А.А. Брусиллов писал позднее в своих мемуарах: «В толще армии, в особенности в солдатских умах, сложилось убеждение, что при подобном управлении, что ни делай, толку не будет, и выиграть войну таким порядком нельзя. Прямым последствием этого убеждения явился вопрос: за что же жертвовать своей жизнью, не лучше ли ее сохранить для будущего»⁴.

Более конкретным свидетельством настроений в запасных батальонах накануне Февральской революции является письмо солдат-павловцев, направленное своим боевым товарищам в действующую армию вскоре после победы восстания в Петрограде. В нем говорилось: «Полные доверия к старому правительству солдаты шли на смерть ради будущего счастья дорогого отечества. Но по мере продолжения войны в сознание народа стало проникать убеждение, что правительство не только не способно справиться с великой национальной задачей, но больше того, стало очевидным, что оно толкает нашу Родину в ужасную пропасть гибели и поражения. Тайные и явные предательства в отношении Родины, преступные влияния темных сил на направление внутренней и внешней политики, полное игнорирование и недопустимо-презрительное отношение правительства ко всему русскому народу в лице его лучших избранников — членов Государственной думы, полное расстройство и дезорганизация всей страны заставили наконец народ и армию свергнуть старую власть ради спасения великодержавной России»⁵.

Неспособность Николая II навести порядок в стране, покончить с правительственной чехардой и добиться успехов в войне вызывали критику в его адрес как в общественном мнении, так и среди гвардейского офицерства. Как записал в дневнике в самом начале Февральской революции капитан 2-го гвардейского стрелкового батальона А.А. Артоболевский, убийство Распутина не только не успокоило офицерское мнение, а, наоборот, обострило его критическое отношение к правительственному режиму и подорвало остатки доверия к Николаю II. «Общество, — писал он, — стало открыто восставать против самодержавия и требовало ответственного министерства. Эти же идеи проникали в военную среду, даже в ряды гвардии и царствующего дома»⁶. Такое настроение было присуще и части офицеров других запасных батальонов гвардии.

Определенную роль в росте недовольства нижних чинов запасных батальонов сыграло и ухудшение снабжения. Начиная с осени 1916 г., нормы довольствия как на фронте, так и в тылу, были сокращены. В гвардии нижним чинам стали выдавать по 2 фунта хлеба в день, по 0,5 фунта мяса, сократив выдачу в полтора раза. Были введены, особенно в тылу, 3 постных дня в неделю, когда нижним чинам вместо мяса варили в супе треску или воблю⁷. Артоболевский записал в дневнике: «Была на обеде стрелков. Пища скверная, как уже давно. Щи недоваренные, жидкие. Мясо жесткое. Порции неполные. Сегодня варят вместо каши чечевицу, очень неважную и нечистую. Помоему, это плохо. Скверная пища может дать повод к недовольству»⁸.

Такая же картина наблюдалась и в других запасных батальонах гвардии. Снабжение войск действующей армии было несколько лучше, но и здесь три дня в неделю были постными. Особенно ухудшилось, по сравнению с довоенным временем, довольствие гвардейских частей, которое к концу 1916 г. мало чем отличалось от снабжения армейских полков.

Снижение норм довольствия отразилось на психологии солдат. Это стало одной из причин обвинения ими командования в неспособности, казнокрадстве, измене. «Русская армия, — отмечает В.П. Булдаков, — состоявшая в основном из бывших крестьян, острее всего реагировала на нехватку продовольствия, хотя по ту сторону линии фронта питание солдат было хуже. Русский солдат ни как не мог поверить, что власть может оставить его голодным в окопах»⁹. И хотя в войсках гвардии не было бунтов и волнений на этой почве, глухое недовольство ухудшением снабжения проявлялось и здесь.

Нижние чины запасных батальонов гвардии размещались в казармах своих полков. Их личный состав нередко превышал в 3-3,5 раза численность довоенных полков. Поэтому солдаты спали на трех-четырёх ярусных койках в обстановке большой скученности и антисанитарии. К тому же они подвергались жестокой муштре, порой бессмысленной. Командиры старались сделать из новобранцев образцовых солдат за короткий срок, но останавливаясь зачастую перед прямыми издевательствами. Грубая и жестокая муштра достигала нередко беспредела, и тогда низшие чины просили поскорее отправить их на фронт. Так, солдаты учебной команды запасного батальона Московского полка подали на имя командира бригады 21 февраля (6 марта) 1917 г. прошение, где говорилось: «Пусть мы умрем на позициях честной солдатской смерти на поле брани и за защиту своего Отечества, нежели здесь в руках взводных и отдельных наших учителей»¹⁰.

При таких бытовых условиях и довольствии на фоне жестокой муштры и близкой перспективы оказаться в окопах запасные батальоны гвардии в Петрограде представляли собой горючий материал, готовый вспыхнуть в любой момент в обстановке нарастающей социальной напряженности. Давая характеристику запасному батальону Финляндского полка накануне Февраля 1917 г., капитан Д.И. Ходнев, оказавшийся в Петрограде после многих фронтовых ранений в должности начальника учебной команды, писал: «Наш запасный батальон обслуживал Васильевский остров. Строевые роты батальона, как я уже говорил, представляли из себя ненадежный элемент, полагаться на них было нельзя, их следовало бы держать в казармах под строгим неусыпным надзором офицеров»¹¹. Однако обстановка требовала от командования Петроградского военного округа использования гвардейских запасных батальонов для борьбы с забастовочным движением. Других войск в Петрограде практически не было.

Для устранения рабочих предприятий Выборгской стороны власти неоднократно устраивали марши расквартированного здесь Московского полка, который с оркестром и при оружии проходил по Б. Сампсониевскому проспекту, не давая рабочим скапливаться на улицах. Караулы от запасного батальона этого полка размещались на предприятиях Выборгской стороны.

Наряды и караулы от запасных батальонов других гвардейских полков несли службу на Охтенском пороховом заводе, на Трубочном заводе, на Ижорском заводе в Колпино. 20 февраля (5 марта) 1917 г. на последнем из них вспыхнула забастовка, вызванная несвоевременной выдачей зарплат и продовольственного пайка. Рабочие прекратили работу и сорвали выполнение военного заказа. В связи с этим на Ижорский завод были направлены две роты запасного батальона 1-го стрелкового гвардейского полка с целью заставить рабочих и заставить их приступить к работе. Но начавшиеся в Петрограде демонстрации не позволили властям приступить к подавлению забастовки. Однако общение с рабочими на Ижорском заводе наложило определенный отпечаток на настроения стрелков.

Находясь на предприятиях, нижние чины подвергались соответствующей обработке и революционной пропаганде со стороны рабочих. К тому же на них действовал вид огромных очередей у булочных, где, случалось, стояли их родственники и близкие. Много об обстановке в стране запасные узнавали из листовок, которые распространялись в Петрограде левыми партиями.

Характеризуя обстановку в петроградском гарнизоне в начале 1917 г., приехавший в столицу в отпуск Геруа писал: «Запасные батальоны гвардии в Петербурге по числу людей — дивизии, забрасывались прокламациями и всякой революционной литературой. При моем проезде через Петроград в январе мне рассказал об этом наводнении П.В. Данильченко, командовавший колчищами праздно и невооруженных людей в разбросанном квартале лейб-гвардии Измайловского полка. Он показал мне образцы листовок, которые постоянно какими-то путями попадали в казармы. Дисциплина, как говорил мне энергичный, но в этом случае бессильный командир, висела на волоске. На одного офицера приходилось несколько сот полумужиков. Влиять на них

было трудно, держать твердо в руках невозможно. Такая плачевная организация запасных частей в Петербурге была преступлением. Она явилась одной из причин такого быстрого успеха уличного бунта, превратившегося в общий революционный пожар»¹².

Офицерские кадры запасных батальонов в большинстве своем состояли, как уже отмечалось, из прапорщиков военного времени. В результате изменений в системе комплектования офицерского корпуса даже в гвардейские полки попадали прапорщики и подпоручики, придерживавшиеся демократических воззрений. В дни начавшейся Февральской революции некоторые из них были вместе с солдатами, отказываясь стрелять в народ. Однако большинство офицеров гвардии, несмотря на критическое отношение к политике правительства, было настроено к революционным событиям в Петрограде враждебно, но не будучи организованным высшим командованием, оказалось бессильным.

К тому же следует отметить малочисленность в запасных батальонах кадровых офицеров, которые прошли подготовку в довоенное время и были воспитаны в духе преданности царю. К началу революции в запасном батальоне Измайловского полка из 54 офицеров только 14 были кадровыми. В запасном батальоне 2-го стрелкового гвардейского полка оставалось всего 6 кадровых офицеров на 2600 нижних чинов.

При этом не надо идеализировать кадровых офицеров, которые по разным причинам оказались в запасных батальонах. Как правило, это были раненные люди, которые в обстановке социального кризиса и психологического надрыва, всеобщей коррупции и других «прелестей» тыла сильно изменились не в лучшую сторону. Видимо, прав Булдаков, когда утверждает, что офицеры своим поведением сами давали повод недовольства солдатской массе казнокрадством, шкурничеством и карьеризмом. «К тому же, — пишет он, — следует заметить, что далеко не все гвардейские офицеры, особенно в запасных батальонах, были носителями лучших традиций и благородства. Некоторые из них даже превосходили армейских офицеров в пьянстве, казнокрадстве... Многие являлись носителями вредных повадок и настроений...»¹³. Такие офицеры не пользовались у нижних чинов авторитетом и не могли удержать солдатскую массу от выступления на стороне рабочих, даже заперев ее в казармах. Солдатского бунта можно было ожидать в любое время, и он начался в Петрограде.

Командование Петроградского военного округа еще до начала событий понимало, какая серьезная опасность может исходить от солдат запасных батальонов. Поэтому в январе 1917 г. Ставка распорядилась перебросить в Петроград с фронта гвардейские кавалерийские дивизии. 1-ой Гвардейской кавалерийской дивизии был отдан приказ грузиться в Ровно в вагоны и двигаться на Петроград. Командование Петроградского округа даже начало готовить казармы для размещения Кавалергардского полка. Но не успели полки этой дивизии начать погрузку, как последовал новый приказ — на Петроград будет двинута 3-я Гвардейская кавалерийская дивизия, три полка которой были казачьими. Однако и она не тронулась с места и осталась в районе Ровно.

После революции и гражданской войны в мемуарной и исторической литературе в эмиграции многие авторы утверждали, что если бы гвардейская кавалерия была вовремя перебросена в Петроград, то она сумела бы задушить революционное выступление в самом начале, так как в ней сохранился большой процент старослужащих, испытывавших верность и преданность Николаю II. Но этого не произошло. Ни в Ставке, ни в других командных структурах не нашлось человека, способного проявить твердость и решительность. И в итоге, как метко заметил Геруа, наступил «паралич фронтного начальства и никто не хотел принимать на себя ответственность»¹⁴.

Такое бездействие власти во многом определило победоносный исход Февральской революции в Петрограде, но решающую роль при этом сыграл переход на сторону рабочих войск петроградского гарнизона. Первыми про-

тив самодержавия выступили запасные батальоны Павловского, Воынского, Литовского, Преображенского, Саперного гвардейских полков.

Накануне 26 февраля (11 марта) подразделения Павловского полка на Невском проспекте применили оружие против демонстрантов. И хотя человеческих жертв не было, сам факт участия павловцев в подавлении народного выступления сильно подействовал на настроения запасных. С криками «ни за что мы не примем народную кровь на белые павловские петлицы» 4-я рота в 3 часа дня 26 февраля овладела цейхгаузом и вооружилась. Здесь оказалось всего 30 винтовок, но это не остановило павловцев. Они вышибли ворота казарм и смешались с рабочими. Попытки офицеров загнать солдат в казармы завершились неудачей, и мятежная рота под командованием молодого прапорщика, имя которого осталось для истории неизвестным, вышла на Екатерининский канал и двинулась в сторону Невского проспекта¹⁵. Здесь началась перестрелка с городовыми, в ходе которой павловцы израсходовали свой небольшой боезапас и вынуждены были возвратиться в казармы.

Мятежная рота не получила поддержки других подразделений батальона, что позволило офицером окружить казармы, выставить против ворот пулеметы и приступить к арестам. Ночью было арестовано 19 солдат 4-й роты. Они были отправлены под усиленным конвоем в Трубетской раселин Петропавловской крепости. Всех их ожидал расстрел. Но от неминуемой смерти их спасло начавшееся восстание в Воынском полку, перекинувшееся на другие запасные батальоны гвардии.

Учебная команда Воынского полка использовалась командованием гарнизона для разгона рабочих демонстраций. 25 февраля (10 марта) она получила приказ идти на Знаменскую площадь и нести там боевое дежурство с 8 утра до 12 часов ночи. Здесь в 11 часов дня рота учебной команды открыла огонь по демонстрантам у памятника Александру III. Старший унтер-офицер Тимофей Кирпичников, обходя строй с тыльной стороны, уговаривал своих товарищей не причинять вреда демонстрантам. Вечером учебную команду волынцев увели в казармы в Виленском переулке. Но утром следующего дня волынцы вновь повели на Знаменскую площадь, приказав никого из демонстрантов не пропускать на Невский проспект. К полудню огромная толпа народа двинулась от Гончарной улицы к Невскому, но была встречена пулеметной и ружейной стрельбой. Начальник учебной команды волынцев капитан Лашкевич, отличавшийся жестокостью и грубостью, требовал от своих подчиненных стрелять на поражение и угрожал им строгими карами за невыполнение приказа. Выхватывая у солдат винтовки, он пытался сам стрелять из них в демонстрантов. Все это удручающее действовало на солдат, и они угрюмо молчали пока с наступлением темноты их не увели в казарму.

Наступила ночь на 27 февраля, но, как пишет летописец этих событий в Петрограде И.С. Лукаш, в памяти солдат вставала картина «воюющей толпы на Гончарной, люди, прижатые к наглухо запертым воротам домов, трескотня залпов, дым, темная кровь на белом снегу»¹⁶. Впечатление от этого было столь сильным, что волынцы давали друг другу слово больше на подавление демонстраций не выходить. Особую активность проявили взводные унтер-офицеры и командиры отделений, которые во главе с Кирпичниковым приняли решение ни при каких обстоятельствах больше в народ не стрелять. И когда на следующее утро учебную команду построили в коридоре казармы, чтобы вновь отправить на Знаменскую площадь, солдаты отказались повиноваться. Разъяренный Лашкевич выбежал во двор за подмогой и тогда из окна ему в спину прогремел выстрел, оборвавший его жизнь.

Кирпичников вывел учебную команду за ворота казармы, а за ней последовал весь батальон. Восставшие волынцы двинулись к казармам Литовского полка, солдаты которого перешли на сторону революции. Смешавшись с толпой, они подошли к казармам Саперного полка, где были встречены музыкой. Вскоре к восставшим присоединились и солдаты Преображенского полка.

Преображенский полк размещался в казармах на Миллионной и Таврической улицах. Та часть запасных, которая была дислоцирована на Милли-

онной, начиная с 24 февраля (9 марта), несла службу у Полицейского моста. 1-я рота преображенцев под командованием офицеров Скрыпичина, Селецкого и Розеншильда старалась не прибегать к оружию и уговаривала демонстрантов на Невском разойтись. Более того, они прилагали усилия к тому, чтобы предотвратить столкновение народа с городовыми, готовыми применить оружие. 25 и 26 февраля картина повторилась: солдаты и офицеры уговаривали демонстрантов разойтись. А 27 февраля офицеры полка приняли решение вывести свои подразделения на Дворцовую площадь, куда к полудню пришли роты Егерского и Петроградского полков. Офицеры-преображенцы приняли здесь решение «ничем не препятствовать революции, но внести порядок в ее мятувшийся поток, избежать кровопролития... и предъявить требования народа правительству»¹⁷. За этим решением скрывалось намерение офицеров не допустить кровопролития и тем самым не довести дело до углубления революции. Эту точку зрения капитан Скрыпичин изложил командующему округом генералу С.С. Хабалову, однако тот вначале не понял позиции капитана, обвинил его в измене и пригрозил арестом. Лишь после разъяснения, данного старшими офицерами-преображенцами, Хабалов согласился с их предложением собрать запасные батальоны гвардейских полков на Дворцовой площади для обороны Зимнего дворца.

По другому складывались события в той части Преображенского полка, которая квартировала на Таврической улице. Как только волынцы подошли к ее казармам, вторая рота запасного батальона, которая состояла в основном из нижних чинов, побывавших в боях, без офицеров присоединилась к ним. Был открыт полковой цейхгауз, и началось вооружение восставших винтовками и пулеметами. Огромная масса солдат Воынского, Литовского, Преображенского и Саперного полков двинулась по Кирочной улице на Литейный проспект. Вместе с ними были рабочие, студенты, обыватели. На Литейном проспекте были разгромлены здания жандармского управления и Окружного суда. Восставшие овладели Арсеналом и началось вооружение народа. Это стихийное движение устремилось к Литейному мосту, имея цель пробиться на Выборгскую сторону. Здесь восставшие надеялись получить поддержку рабочих многочисленных предприятий и запасного батальона Московского полка, на подступах к казармам которого разгорелась вооруженная борьба, о которой оставил воспоминания капитан Дуброво-1-й.

Обстановка в казармах Московского полка уже 26 февраля (11 марта) сложилась крайне тревожная. Предвидя возможность нападения рабочих Выборгской стороны на ворота казарменного двора, командир запасного батальона приказал своим подчиненным находиться в полной боевой готовности. Утром 27 февраля были отправлены караулы на заводы и фабрики Выборгской стороны. Командование батальона ожидало вооруженного столкновения, и оно не заставило себя долго ждать. Около 10 часов утра у ворот казармы появились автомобили, в которых находились рабочие, студенты и солдаты, пробившиеся на Выборгскую сторону через Литейный мост. Московцы открыли по ним стрельбу со стороны Сампсониевского и Лесного проспектов, не давая возможности восставшим прорваться во двор казармы. Однако сопротивление москвитин продолжалось недолго. 3-я рота батальона, состоявшая из старослужащих, отказалась стрелять, а ее командир поручик Вериго был убит. Вскоре был убит и прапорщик Шебунин, под командованием которого оборонялись ворота казарменного двора со стороны Лесного проспекта¹⁸. К 5 часам вечера сопротивление москвитин было сломлено, и они перешли на сторону революции. Таким образом, уже днем 27 февраля восставшие контролировали большой район Петрограда. Особенно власти встревожились, когда к 11 часам утра в штаб округа поступили сведения, что на Литейном проспекте идет разгром правительственных учреждений.

В срочном порядке для подавления этого очага восстания по приказу Хабалова был сформирован отряд под командованием находившегося в Петрограде в отпуске полковника Преображенского полка А.П. Кутепова, известного своей решительностью. В отряд вошли две роты Преображенского

полка, рота Кексгольмского полка, пулеметная команда и полтора эскадрона кавалерии — в общей сложности около тысячи человек. С этими силами Кутепов принялся очищать от восставших район, прилегающий со стороны Литейного проспекта к Московскому вокзалу и Сергиевской улице. Однако в отряде началось брожение и его солдаты слились с толпами восставших. Они приняли участие в захвате Литовского замка. В бессильной ярости Кутепов вечером 27 февраля, опасаясь расправы, вынужден был скрыться.

Однако Хабалов еще не терял надежды при помощи других полков гвардии подавить восстание. Он поддержал инициативу преображенских офицеров стянуть на Дворцовую площадь гвардейские части для защиты заштатившего режима. Пришли батальоны ряда гвардейских полков за исключением Семеновского и Измайловского. Те части, которые уже 27 февраля были охвачены восстанием, на площадь не пришли. Прибывшие на площадь части, протоптавшись бесцельно на месте, вечером 27 февраля вернулись в свои казармы. Пассивно повели себя и солдаты гвардейских полков, посланные на защиту Адмиралтейства, где разместился штаб по подавлению революции. Уже с вечера 27 февраля (12 марта) началось шестие воинских частей к зданию Таврического дворца, где находился Временный комитет Государственной думы и вскоре стало формироваться Временное правительство.

Вечером 27 февраля командование запасного батальона Преображенского полка сообщило в Таврический дворец по телефону о своей верности Временному правительству. На все приказы Хабалова выступить по подавлению революции преображенцы отвечали отказом. А утром 28 февраля запасной батальон Преображенского полка с оркестром двинулся к Таврическому дворцу. Такой же путь проделали батальоны и других гвардейских полков Петрограда. Их шествие, выражавшее преданность Временному правительству, было продолжено 1(14) марта. В этот день к Государственной думе прибыл Гвардейский флотский экипаж во главе со своим командиром — великим князем Кириллом Владимировичем, прикормившим к своему форменному пальто красный бант — символ революции.

Не поддержали самодержавие и гвардейские стрелки в Царском Селе. Все попытки офицеров двинуть свои части на революционный Петроград наталкивались на глухое сопротивление нижних чинов и они, боясь расправы, вынуждены были укрываться по квартирам. К тому же командовавшие стрелковыми батальонами офицеры не имели разработанного плана действий, получая из Петрограда крайне противоречивые приказы.

В выступлении запасных гвардейских батальонов против самодержавия приняла участие лишь небольшая часть офицеров, преимущественно младших чинов. Все старшие офицеры остались на стороне контрреволюции или проявили растерянность. Многие офицеры стали жертвами расправы со стороны солдат. Уже 26 февраля был убит полковник Павловского полка Экстен. 27 февраля в Преображенском полку был убит командир батальона полковник Богданович и офицеры: Эссен, племянник известного адмирала, командующего Балтийским флотом до 1916 г. Н.О. Эссена, и Соловьев. Был убит командир запасного батальона в Литовском полку. А 1(14) марта солдаты подняли на штыки капитана Московского полка фон Фергена только за то, что он потребовал у них снять красные банты. В ряде запасных батальонов Петрограда нижние чины разоружали офицеров, арестовывали их и под конвоем отправляли в Таврический дворец.

Наиболее драматические события разыгрались 1(14) марта в Луге. Здесь ремонтным составом гвардейской кавалерии заведовал генерал граф Г.Г. Менгден, бывший командир Кавалергардского полка. Помощником у него был бывший офицер того же полка граф Г.А. де Брозель-Платтер. Эти аристократы вызвали к себе ненависть со стороны солдат пехотных и артиллерийских частей, стоявших в Луге, только потому, что их считали немцами и уже потому изменниками. Они были растерзаны толпой солдат, несмотря на то, что за них выступили нижние чины — кавалергарды. Помимо Менгдена и де Брозеля-Платтера были убиты конногренадерский офицер Эгерстром и лейб-

гвардии гусар граф Клейнмихель¹⁹. Помимо указанных расправ эксцессы по отношению к гвардейским офицерам имели место в Гатчине и в Павловске. Здесь также жертвами солдат становились офицеры с немецкими фамилиями. В этом проявлялась типичная ксенофобия, принявшая в стихийном общественном сознании масс антинемецкую направленность. И хотя многие из убитых были по происхождению шведами, финнами или обрусевшими немцами, для толпы было вполне достаточно наличия нерусской фамилии, чтобы подвергнуть их насилию.

Страх перед возможной расправой побуждал часть офицеров уже в первые дни революции заявлять себя ее сторонниками. Другие, оставаясь в душе монархистами, спешили присягнуть Временному правительству в ожидании лучших времен и перемен. Таким образом, ни один из запасных батальонов гвардейских полков после прихода к власти Временного правительства не выступил на защиту самодержавия. Более того, когда карательный отряд под командованием генерала Н.И. Иванова, посланный Николаем II для подавления революции, прибыл в Царское Село, дислоцировавшийся здесь батальоны стрелковых полков и собственный его величества полк, не оказали ему никакой поддержки. Отряд Иванова оказался заблокированным на железнодорожных путях. В этом определенная роль принадлежала штабс-капитану С.Д. Масловскому (позднее писатель Мстиславский), который принадлежал к партии эсеров и имел на солдат значительное влияние.

Известия о событиях, произошедших в Петрограде, доходили до фронта, где тогда находились гвардейские полки, с запозданием и нередко были противоречивыми. Войска гвардии вплоть до конца февраля — начала марта 1917 г. занимали позиции на реке Стоход, где в течение более полугода с переменным успехом шли вялотекущие бои. Полки одного гвардейского корпуса сменили на позициях полки другого корпуса. При этом гвардейская кавалерия была в основном спешена и находилась, как и пехота, в окопах. И хотя количество артиллерии, особенно тяжелой, а также пулеметов к началу 1917 г. увеличилось, значительных наступательных действий не предпринималось. Все ждали наступления весны, когда планировалось начать активные боевые действия по всему фронту.

Отсутствие военных успехов порождало в гвардейских полках пассивное настроение. Сильно изменился боевой облик гвардейских частей, где вместо закаленных в боях нижних чинов довоенного времени в строю преобладали плохо обученные молодые солдаты, знавшие в лучшем случае лишь понаслышке о традициях и подвигах своих полков. Все это вело к непониманию целей войны, к падению воинской дисциплины и даже к дезертирству. Последнее в гвардии раньше встречалось весьма редко, но весной 1917 г. уже имело место.

Заметно изменился и офицерский состав. В пехотных гвардейских полках к концу 1916 г. в строю оставалось всего 4% офицеров из числа тех, кто выступил на фронт в августе 1914 г. Большинство, особенно командиров взводов и рот, были офицерами военного времени. Среди них даже в гвардии были представители интеллигенции — носители демократических воззрений. Определенная часть высшего гвардейского офицерства находилась в глухой оппозиции к правительству. Эти обстоятельства и определили в значительной мере отношение гвардии к отречению Николая II.

Сообщение о Февральской революции и об отречении царя в войсках гвардии было встречено в основном спокойно. Ни одна гвардейская часть не выступила в защиту монарха тем более, что свое решение он принял добровольно под воздействием произошедших событий. В эмигрантской литературе, да и в произведениях некоторых современных авторов, особенно публицистов, проводится мысль, что все могло быть иначе, если бы Николай II обратился за поддержкой к армии. Однако такие утверждения делаются без учета реальной обстановки на фронте и в стране в целом.

Николай II пытался пробиться в мятежный Петроград, но дальше станции Дно рабочие и революционные солдаты не пропустили его эшелоны, и

он вынужден был вернуться на Псков. Ничего не вышло и из затеи двинуть на Петроград георгиевских кавалеров во главе с генералом Ивановым. Командующие фронтами, в том числе и великий князь Николай Николаевич, которые все в разное время служили в гвардии, посоветовали царю отречься от престола. Многие высшие офицеры, в недавнем прошлом бывшие гвардейцы, весьма критически относились к Николаю II и не верили в его способности завершить войну победой. Об этом свидетельствуют их воспоминания.

Среди тех, кто крайне негативно относился к Николаю II, был бывший кавалергард, участник коронационных торжеств генерал барон К.Т. Маннергейм, который считал, что корона для него была непосильной ношей. Он сожалел, что царь не отрекся от престола еще в 1905 году²⁰. Весьма отрицательно отзывался о Николае II и другой аристократ, бывший конногвардеец генерал барон П.Н. Врангель. В своих мемуарах он писал: «Последние годы царствования отшатнули от государя сердца сынов отечества. Армия, как и вся страна, отлично осознала, что государь действиями своими больше всего сам подрывает престол»²¹. С ним полностью был согласен и бывший лейб-гусар, глава русской разведки во Франции граф П.А. Игнатьев. «Государь, — писал он, — проявил себя нерешительным и слабым в тот момент, когда были нужны сильный кулак и негибкая воля». Об этом же писал и муж племянницы царя князь Ф.Ф. Юсупов, который отмечал, что «к концу своего царствования Николай II был совершенно раздавлен событиями и политическими неудачами»²².

И это говорили о своем монархе люди, близкие к трону, всецело обязанные ему своим положением. Так что же можно было ожидать от многих младших офицеров гвардии, которые и не знали всей правды о положении государственных дел, но испытывали на себе все тяготы войны? Еще в меньшей мере можно было ожидать проявления симпатий к царю среди нижних чинов гвардии и армии в целом, которые вынуждены были проливать кровь за чужие интересы. От былого обожания монарха к моменту Февральской революции у абсолютного большинства гвардейцев ничего не осталось. И Николай II прекрасно понимал, что в этой обстановке обращения ни к армии, ни к народу ему не помогут и могут привести лишь к гражданской войне, которая в условиях продолжения войны с Германией и Австро-Венгрией станет губительной для России.

При получении известия об отречении Николая II командир Гвардейского кавалерийского корпуса хан Нахичеванский собрал 4(17) марта командиров полков и от их имени и от себя лично направил ему телеграмму о готовности выступить на его защиту. Думается, что при этом было учтено то обстоятельство, что в гвардейских полках к этому времени сохранялось до 50% нижних чинов, начинавших в них службу еще до войны. Процент кадровых офицеров в этих полках был еще более высоким. Это давало возможность хану Нахичеванскому надеяться на проявление монархических чувств и преданность отречьемуся императору, а стало быть, и на возможность его вооруженной поддержки. Однако сам Николай II отказался от нее, в своей телеграмме поблагодарил гвардейскую кавалерию за верность и преданность и рекомендовал ей признать новый строй, присягнув Временному правительству. Совет царя был принят.

Спустя немногим более недели после отречения Николая II Гвардейский кавалерийский корпус принес присягу на верность Временному правительству. Хан Нахичеванский сообщал в своей телеграмме военному министру А.И. Гучкову: «Довожу до сведения Вашего, что еще до дня присяги вся гвардейская кавалерия от старшего генерала до последнего солдата была и есть преисполнена желания положить жизнь за дорогую Родину, руководимую ныне новым правительством»²³. И ни у кого в гвардейской кавалерии, где было немало аристократов, изменение позиции их командира не вызвало протеста. Только начальник штаба корпуса генерал А.Г. Винниченко, не выдержав нервного напряжения, застрелился. Около 50 генералов, занимавших высокие посты в армии или сами заявили о своем нежелании служить Вре-

менному правительству, или были удалены из армии. Среди них было немало генералов, служивших в гвардии. Хан Нахичеванский был заменен Е.К. Арсеньевым — сыном известного редактора журнала «Вестник Европы». Гвардейские полки покинули и наиболее одиозные офицеры, боившиеся солдатской расправы. Однако в мартовские дни большинство гвардейских офицеров, приняв присягу Временному правительству, оставались на своих местах.

Хотя почти все гвардейские офицеры были монархистами, они легко присягнули Временному правительству. Психологию их поступка хорошо объяснил старый гвардеец, военный агент во Франции граф А.А. Игнатьев. «Николай II, — писал он позднее в мемуарах, — своим отречением сам освобождает меня от данной ему присяги»²⁴. Этим соображением руководствовались многие офицеры, в том числе и в гвардии. К тому же они верили в обещание Временного правительства в союзе со странами Антанты вести войну против Германии до победного конца. И последнее обстоятельство сыграло немалую роль в определении позиций офицеров гвардии по отношению к Временному правительству. Их настроения в те дни отразил начальник пулеметной команды Преображенского полка поручик С.А. Торнау, который писал: «Все идеалы, которым мы поклонялись, традиции, в которых были воспитаны, рухнули в несколько часов, но несмотря на это, офицеры осознали, что благо родины требовало их оставления на местах»²⁵. Именно поэтому большинство гвардейских офицеров, даже если они и не были согласны с произошедшим переворотом, свои полки не покинули.

Еще более спокойно встретила весть об отречении царя солдатская масса. Согласно воспоминаниям офицеров, лишь отдельные старослужащие нижние чины, особенно в кавалерии, стояли в строю к момента оглашения манифеста с каменными лицами или даже тихо плакали. Так было в лейб-гвардии Казачьем полку, где казаки старших возрастов, по свидетельству полковника И.Н. Оприца, принимали присягу Временному правительству очень неохотно, поминали добрым словом царя и даже ждали возможного приказа о походе на Петроград²⁶. Но такие настроения были не типичными для гвардейской пехоты. В целом войска гвардии довольно спокойно принесли присягу Временному правительству и восприняли те перемены, которые последовали в результате Февральской революции.

После Февральской революции гвардия продолжала оставаться в составе Особой армии, созданной еще летом 1916 г., и находилась на боевых позициях на Юго-Западном фронте. Порядок внутренней службы в ее частях и подразделениях стал регулироваться известным приказом № 1, который предоставлял солдатам большие права, но не оговаривал при этом их обязанностей. Это вскоре сказалось на состоянии дисциплины, которая упала и в частях гвардии.

Со свержением монархии полки перестали именоваться лейб-гвардейскими, хотя вторая часть их названия сохранилась. Было отменено шествие над гвардейскими полками членов императорской фамилии, в связи с чем стрелковые и некоторые кавалерийские полки изменили свое прежнее официальное название. Во всех полках и подразделениях, начиная от рот, батальонов и эскадронов, были проведены выборы в состав комитетов. Сюда выбирали как солдат, так и офицеров. Комитеты вначале сосредоточили внимание в основном на решении внутренних проблем и вопросов хозяйственной жизни.

Решающее влияние на деятельность комитетов, особенно в полках гвардейской кавалерии, весной 1917 г. принадлежало офицерам. До апреля конфликтов между солдатами и офицерами в комитетах не наблюдалось. Солдаты находились в гвардейских частях еще под сильным влиянием офицеров и в ряде случаев, несмотря на приказ № 1, продолжали титуловать их по-прежнему. Систему патернализма, насаждавшуюся десятилетиями, сломать одним приказом оказалось делом трудным. К тому же весной 1917 г. в гвардейских полках было очень мало солдат и офицеров, принадлежавших к социа-

листическим партиям. Если таковые имелись в комитетах некоторых гвардейских частей и подразделений, они заметной роли в них весной 1917 г. еще не играли.

И тем не менее, падение воинской дисциплины в армии в целом стало захватывать и гвардию. Участились случаи дезертирства, особенно из запасных батальонов. В гвардейских частях солдаты стали открыто заявлять о нежелании воевать и выходить на боевые позиции, требуя скорейшего заключения мира. В связи с этим командир 1-й гвардейской пехотной дивизии генерал В.А. Крулевский 16(29) марта 1917 г. отдал приказ, в котором говорилось: «За последнее время были случаи распространения в боевых линиях вздорных слухов об оставлении войсками своих позиций, нежелание воевать и тому подобное. Категорически требую принятия самых энергичных мер для задержания всякого, передающего какие-либо сведения и препровождения к коменданту штаба дивизии. Солдаты должны твердо знать, что на фронте могут заслуживать доверия и исполнения исключительно только распоряжения непосредственного начальства»²⁷. Этот приказ был направлен против агитаторов, принадлежавших к радикальным партиям.

К концу марта — началу апреля 1917 г. гвардейские пехотные полки, находившиеся на позициях в районе реки Стоход, еще более изменились по своему составу. Прибывавшее пополнение не желало воевать и подчиняться приказам. Многие не имели элементарной предвзятости с фронтовой подготовки. Из запасных батальонов прибытие пополнений почти прекратилось. Дело в том, что солдаты запасных батальонов потребовали от Гучкова не посылать их на фронт в знак признания их заслуг в осуществлении революции. А вскоре по его приказу последовала демобилизация с фронта солдат, которые достигли 43-летнего, а затем 40-летнего возраста. Среди них были солдаты, которые начинали службу в гвардии еще в довоенное время, то есть наиболее закаленные в боях ветераны. А в конце апреля 1917 г. по распоряжению Временного правительства все солдаты, которые пробыли на фронте не менее 14 месяцев, переводились в тыл, в запасные батальоны²⁸. Все это и привело в значительной мере к падению воинской дисциплины. Стали даже наблюдаться случаи «братания» с немцами гвардейских солдат, чего раньше не бывало.

Посетивший войска гвардии в апреле 1917 г. в качестве специального эмиссара князь П.Д. Долгоруков, член ЦК партии кадетов, отмечал, что «скверная разложения и бунта» коснулась даже такого дисциплинированного соединения, каким был Гвардейский кавалерийский корпус. Он писал, что здесь возникли полковые комитеты, вносящие сумятицу и внутреннюю напряженность в обычную военную жизнь. Единственно, кто произвел на него хорошее впечатление своей дисциплиной, были гвардейские казачьи полки²⁹.

В марте-апреле 1917 г. командование Юго-Западного фронта решило использовать гвардейские кавалерийские части для наведения порядка в ближайшем фронтовом тылу на станциях и железнодорожных узлах. Надо было как-то пресечь поток дезертиров, устремившихся в тыл, громивших все на своем пути. Поэтому подразделения Кавалергардского полка были размещены для этой цели на станциях Казатин и Шелетовка. Кирасирский полк Его величества, который после Февральской революции стал именоваться Подольским, стал нести комендантскую службу на станции Киев, гвардейские казаки эту же службу выполняли на станциях Ровно и Сарны. Ежедневные стычки с дезертирами, не желавшими признавать никакой власти, революционная демагогия, анархистские настроения бежавших с фронта отнюдь не способствовали укреплению дисциплины самих гвардейцев.

Помимо охраны железных дорог на Юго-Западе некоторые гвардейские подразделения осуществляли охрану арестованного царя и членов его семьи. Для этого в Царском Селе был сформирован отряд из солдат 1-го, 2-го и 4-го гвардейских стрелковых полков (по взводу от каждого), который под командованием полковника Кобылянского нес охрану Александровского дворца, где жила царская семья. Затем они выполняли эту функцию в Тобольске.

Однако основные силы гвардии продолжали стоять в районе реки Стоход, ведя позиционную войну, сопровождавшуюся мелкими стычками с противником. Эти затяжные военные действия, не принесявшие успехов, удручающе действовали на состояние войск гвардии и явились одной из причин дальнейшего падения дисциплины. С мая 1917 г. наблюдается рост в войсках гвардии конфликтных ситуаций между солдатами и офицерами. Этому в немалой степени способствовало принятие 9 мая 1917 г. «Декларации прав солдата», которая предоставляла военным служащим все политические права: участие в выборах, деятельность в политических партиях, возможность выражать недоверие офицерам. Воспользовавшись этим документом, в ряде гвардейских полков солдаты потребовали осуществления очередной чистки офицерского состава и изгнать негодных командиров.

Изгнание офицеров наблюдалось раньше. В конце марта — начале апреля 1917 г. оно имело место в Московском и Финляндском полках. В первом из них в строю осталось всего 35 офицеров, т.е. почти половина от штатного состава. Остальные были изгнаны или под различными предлогами покинули полки сами. Десятки офицеров, не выдержав солдатского прессинга, расхлябанности и утраты традиций, подавали рапорты об отставке. Как правило, они отклонялись Гучковым с объяснением, что «война продолжается и начальствующий состав должен находиться на службе»³⁰.

Еще более радикальные перемены произошли в офицерском составе запасных батальонов гвардии. Чистка офицеров здесь началась почти сразу после революционных событий в Петрограде. Так, в запасном батальоне Московского полка к лету 1917 г. из 75 офицеров на службе остался 21 — в основном прапорщики и подпоручики, заявившие о своих симпатиях к новому строю. В ряде запасных батальонов вместо выбывших командиров выбирались новые из молодых офицеров. Командиром запасного батальона Преображенского полка стал подпоручик М.В. Заринг, который любил говорить на митингах о своей преданности революции и Временному правительству³¹.

Обстановка, сложившаяся в ряде гвардейских полков, привела к расколу в среде самих офицеров. Некоторые из них стали заискивать перед солдатами из-за опасения быть изгнанными и поэтому шли на поводу у комитетов.

В преддверии подготовки к наступлению командование гвардий стремилось укрепить кадры за счет выдвижения на более высокие должности тех офицеров, которые пользовались авторитетом у солдат и на кого можно было положиться. Так, в апреле 1917 г. командиром Преображенского полка был назначен полковник Кутепов, а некоторое время спустя Московский полк возглавил энергичный полковник Я.А. Слащев — герой и любимец солдат Финляндского полка. Та часть солдат, которая не поддавалась деморализации, охотно поддерживала офицеров, имевших репутацию храбрых и заботливых командиров. Весной 1917 г. в войсках гвардии, как и в армии в целом, стало наблюдаться такое явление — награждение офицеров, кавалеров боевых орденов, исключая орден Св. Георгия, солдатским георгиевским крестом с лавровой ветвью. Награждение это осуществлялось по представлению ротных собраний, и офицеры очень гордились такими крестами как символом не только героизма, но и признания солдат. Но в целом эти меры не могли радикально наладить отношения между солдатами и офицерами. После Февральской революции гвардия утратила характер элитного войска. Несмотря на то, что Февральская революция произошла в России благодаря активному выступлению против самодержавия гвардейских запасных батальонов, она в то же время нанесла сильный удар по этому привилегированному войску, став исходным моментом его последующего распада.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5881, оп. 2, д. 705, л. 3.
2. Там же, ф. 5881, оп. 2, д. 326, л. 3.
3. ГЕРУА Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 2. Париж. 1970, с. 164.
4. БРУСИЛОВ А.А. Мои воспоминания. М. 2001, с. 197—198.
5. ЛУКАШ И. Павловцы. Пг. 1917, с. 27.
6. АРТОБОЛЕВСКИЙ Н.А. Первые дни революции во 2-м гвардейском запасном батальоне. Из личного дневника. Из воспоминаний гвардейских стрелков. Вып. 3. Таллин. 1939, с. 8.
7. ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 128, л. 17—18.
8. БУЛДАКОВ В.П. Красная смута. М. 1997, с. 25.
9. Там же, с. 27.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2583, оп. 2, д. 1288, л. 1.
11. ХОДНЕВ Д. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М. 1997, с. 261.
12. ГЕРУА Б.В. Ук. соч, с. 164.
13. БУЛДАКОВ В.П. Ук. соч, с. 28.
14. ЗВЕГИНЦОВ В.Н. Кавалергарды в Великую и Гражданскую войны. Т. II. Париж. 1936, с. 76; ГЕРУА Б.В. Ук. соч, с. 165.
15. ЛУКАШ И. Павловцы. Пг. 1917, с. 4, 7.
16. ЛУКАШ И. Вольницы. Пг. 1917, с. 12.
17. ЛУКАШ И. Преображенцы. Пг. 1917, с. 13.
18. ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 326, л. 11.
19. ЗВЕГИНЦОВ В.Н. Ук. соч, с. 46.
20. МАННЕРГЕЙМ К.Г. Мемуары. М. 1999, с. 28.
21. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. М. 1992, ч. 1, с. 26.
22. ГРАФ ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВ. Моя миссия в Париже. М. 1999, с. 105; КНЯЗЬ ФЕЛИКС ЮСУПОВ. Мемуары. М. 2000, с. 222.
23. РГВИА, ф. 3591, оп. 1, д. 184, л. 76.
24. ИГНАТЬЕВ А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М. 1989, с. 283.
25. БАРОН ТОРНАУ С.А. С родным полком. Париж. 1931, с. 120.
26. ОПРИЦ И.Н. Лейб-гвардии Казачий Его Величества полк в годы революции и гражданской войны. 1917—1920. Париж. 1939, с. 13.
27. РГВИА, ф. 2321, оп. 1, д. 157, л. 50.
28. ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 128, л. 26.
29. ДОЛГОРУКОВ ПАВЕЛ. Великая разруха. Мадрид. 1964, с. 33.
30. ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 128, л. 20.
31. РГВИА, ф. 2321, оп. 1, д. 157, л. 19.